

И. И. МИНЦ

**<Предисловие к книге:
Черчилль В. Мировой кризис>**

Предисловие

Генералы и политические деятели империализма подводят итоги старой империалистской войне и интервенции против страны Советов.

Победители и побежденные, союзники и соперники, враги и недавние друзья пишут том за томом, друг другу противореча, друг друга поправляя, дополняя и опровергая. Американский ген. Першинг¹ оспаривает лавры победы у Фоша²; Фош недавно разоблачил Клемансо³; Клемансо проливает свет на закулисную историю войны, вскрывая, кстати, в последней роль и поведение английской армии и ее вождей, а бывший английский военный министр Черчилль опорочивает показания и тех и других.

Но итоги, обычно, подводят перед новым начинанием.

Рассердившийся на Америку, выпирающую Англию из всех уголков ее прежней гегемонии, напуганный не в меру растущей активностью Франции, а главным образом теряющий самообладание под впечатлением бурных успехов социалистической стройки в СССР Черчилль открыто выболтал то новое «начинание», для которого подводят итоги.

«История показывает, — так закончил Черчилль свой пятитомный труд о войне, — что война удел человеческой расы. За исключением только кратких и случайных перерывов, на земле никогда не было мира».

Если уж сами империалистские деятели, правда, выведенные из равновесия, выбалтывают свои тайные приготовления, то можно себе представить, что происходит на самом деле.

А «дело» это легко осветят официальные цифры.

Регулярная армия США насчитывает сейчас 136037 офицеров и солдат вместо 100 тыс. в августе 1914 г. Национальная гвардия, составляющая часть федеральных военных сил, имеет — 184371 вместо 120 тыс. в 1914 г. Кроме того Америка все увеличивает свой офицерский резервный корпус, в задачи которого входят инструктирование и обучение молодых кадров. Корпус этот насчитывает 113523 офицера.

Всего вместе с флотом США располагают армией:

В 1914 г.	В 1923 г.	В 1930–1931 г.
246 000 чел.	500 000 чел.	573 000 чел.

Америка, почти не имевшая армии к 1914 году, увеличила свою армию более чем вдвое. Такими лихорадочными темпами «разоружается» американский империализм в этот период «вечного мира» и перманентных комиссий по разоружению.

В Англии положение несколько иное, но только на первый и притом поверхностный взгляд. Англия несколько сократила свою армию по сравнению с 1914 годом.

Цифры не лгут, говорит старая английская пословица, но лгуны могут делать фокусы из цифр. Английские социал-фашисты, недавние министры его величества и либеральные пацифисты выдавали и продолжают выдавать факт временного уменьшения армии за сокращение вооружений. С ханжеским лицемерием «рабочее правительство» всюду тыкало это уменьшение, противопоставляя его росту вооружений других стран.

Фокус, однако, быстро вскрывается, если от абсолютных цифр о составе армии перейти к другим показателям роста армии, например, к военным расходам.

Страны	Официальный военный бюджет (в млн долл.)		
	1913 г.	1923 г.	1930–1931 гг.
Франция	280	258	457
Англия	285	520	537
США	288,5	630,8	847
Италия	121,2	135,5	249
Япония	97,2	234,5	321,5

Англия сократила свою армию, но увеличила свои расходы на оставшуюся армию более чем на 100%.

Английские социал-фашистские предатели, изо дня в день лицемерно выпячивая свое «сокращение», умалчивают о чрезвычайном росте военных расходов, умалчивают о том, что из каждых 100 фунтов стерлингов налогов 70 идет на войну, умалчивают, наконец, куда идут эти, выколачиваемые из рабочих, миллионы фунтов стерлингов.

Сокращая свою армию, Англия, впрочем, как и все империалистские страны, механизировала ее, снабжая более мощными орудиями истребления. Достаточно посмотреть только на рост числа пушек, танков и аэропланов.

Страны	Пушки		Танки		Аэропланы	
	1914 г.	1930–31 гг.	1914 г.	1930–31 гг.	1914 г.	1930–31 гг.
Франция	1300	35000	—	2000	431	2700
Англия	900	13000	—	450	230	1500
США	1300	25000	—	550	—	3000

Как далеко шагнула механизация армий, можно судить по американской кавалерии. «Как о примере эффективности моторизованных частей, — писал недавно один видный военный в Америке, — можно судить по тому, что 300-мильный марш от форта Юстис в Виргинии до форта Брагг в Северной Каролине был сделан в два дня против 25 на лошадях».

При всем этом необходимо учесть огромный размах в развитии химической промышленности, сведения о которой чрезвычайно скудно проникают в печать. Только по неофициальным или косвенным данным можно судить, как бурно идет развитие химической промышленности. Но и по официальным данным государственная химическая промышленность Англии получила в 1927 г. 4560 225 фунтов стерлингов прибыли, в 1928 г. — уже без малого 6 млн. фунтов стерлингов, а в следующем году более 6,5 млн.

«Мы, — говорил Монд, председатель треста химической индустрии на митинге по поводу открытия новой крупнейшей химической фабрики, — навсегда гарантировали Англию от чрезвычайно опасных взрывчатых веществ, которым она подверглась в последнюю войну, и мы уверены, что в дальнейшем мы сумеем сохранить свою позицию в поле».

Словом: «мир гниет, а рать кормится». Мировой кризис разрушает производительные силы империалистских стран, отбрасывает хозяйство на уровень конца XIX века, гнетет и душит сотни миллионов трудящихся, обрекает на голодную, медленную, мучительную смерть более 40 миллионов безработных, а военная промышленность, промышленность разрушения и гибели расцветает в небывалых размерах. Строятся новые военные заводы, лихорадочно реорганизуются старые, скупается сырье для производства взрывчатых веществ, собираются неисчислимые запасы винтовок, пулеметов, пушек, танков, аэропланов на военных складах.

Опережая друг друга, подгоняемые углублением империалистских противоречий, подшпариваемые нарастанием революционного подъема в тылу и бурным ростом социализма в СССР, мировые хищники империализма в любой момент готовы взорвать войну, создавая такое напряженное положение, при котором, по крылатому выражению, пушки сами могут начать стрелять. «Особенность данного момента, — говорил при открытии XVII конференции ВКП (б) т. Молотов, — заключается в том, что все больше стирается грань между мирным положением и войной, — вползают в войну и воюют без открытого объявления войны».

Япония душит Манчжурию, разрушает и взрывает Шанхай, но не «воюет». Китайская 19-ая армия под Шанхаем гибнет под ударами японских частей, упорно защищается, но не «воюет». Нет войны, есть защита своих «кровных интересов», — разливаются на все лады империалистские политики и их социалфашистские агенты на десятках конференций по разоружению, скрывая империалистские приготовления.

Против кого же направлены лихорадочные приготовления к войне? — именно на этот вопрос дает ответ книга Черчилля.

Черчилль принадлежит к числу наиболее крайних и последовательных «твердолобых» в Англии. С поражающим упорством Черчилль изо дня в день предлагает одно и то же спасение от кризиса и всех противоречий капитализма. Сегодня в английской прессе, завтра в немецкой; то в итальянском журнале, то во французском интервью, на митинге или в отчетном докладе, подобно античному римскому цензору Катону, твердившему во всех случаях жизни: «Карфаген должен быть разрушен!», — Черчилль неустанно призывает к разгрому советской власти.

Но не это делает его книги интересными для нас: твердость лба современного Катона слишком малое достоинство для перевода его работы.

Черчилль был членом кабинета министров Англии во время войны, был военным министром в период интервенции, знал, видел, а, главное, делал многое из того, что нам нужно знать для понимания, следовательно, и для борьбы с новой войной и интервенцией.

В империалистской войне 1914–1918 гг. Англии удалось раздавить своего основного противника — Германию, но разгром Германии не разрешил проблемы мировой гегемонии: на месте поверженного германского империализма появились новые соперники — выросшая и окрепшая Франция, и особенно — молодой и хищный империализм Северо-американских соединенных штатов.

Америка мобилизовала для войны огромную армию, снабдила ее колоссальными средствами истребления, реорганизовала для ее снабжения всю свою промышленность, но ввела в бой и истратила только самую небольшую часть своих сил. По окончании войны недавний союзник встал грозным противником перед истощенным победителем. Противник, вооруженный до зубов, со свежими неистрепанными силами предъявлял требования на добычу сообразно его силам, и английский империализм, еле вынесший кости из многолетней свалки, снова очутился перед новой войной с куда более крепким соперником. Печатающиеся «Воспоминания» Черчилля, составляющие пятый и последний том его работы, как раз и посвящены характеристике этого нового соперника.

Пока 14 пунктов Вильсона⁴, в которых американский империализм изложил свои принципы передела мира, носили общий характер, Англия мирилась с тем, что инициатива мира вырвана из ее рук. Но вот немцев поставили на колени. Общие гуманные принципы нужно было облечь в кровь и плоть новых аннексий и контрибуций, и тут сразу сказались глубочайшие противоречия между участниками грабежа.

Мирный конгресс, на который собрались «союзники» после войны, — хорошая иллюстрация к басне Крылова «Дружба», где друзья, расточавшие друг другу слащавые и любвеобильные комплименты, подрались из-за первой же косточки.

Вот, например, заседание по вопросу о Саарском бассейне⁵:

«Таким образом, — говорил Вильсон настаивавшему на полном удовлетворении французских требований Клемансо, — если

Франция не получит того, что ей хочется, то она откажется иметь с нами дело? Если это так, то вы, очевидно, желаете, чтобы я возвратился домой?»

«Я не желаю, чтобы вы возвращались домой. Я намерен сам уехать», — перебил его Клемансо и покинул заседание. Конгресс, однако, происходил в Париже и Клемансо считался как бы хозяином. Пришлось прекратить заседание и послать делегацию за Клемансо.

Аналогичный случай произошел, когда обсуждался вопрос о присоединении Фиуме⁶; итальянский министр Орландо⁷, рассерженный неуступчивостью «союзников», тоже покинул заседание, но с этим не церемонились — приглашения вернуться на заседание так и не послали.

Это только, так сказать, фон, на котором разворачивались работы «дружеского» конгресса. Настоящий же скандал разыгрался по вопросу о репарациях и свободе морей.

Было ясно, что издержки войны должна оплатить Германия. Но как? Чтобы выплатить все расходы, Германия должна была восстановить весь свой производственный аппарат, а с восстановленной промышленностью Германия возвращалась опять в ряды крупных соперников. Английские дипломаты понимали это противоречие и не очень настаивали на крупных суммах контрибуции.

Мало того.

Английские дипломаты, поставив на колени Германию, отнюдь не стремились совершенно стереть ее с лица земли: для будущей войны Англии нужна была в качестве возможного союзника придушенная, но не совсем задушенная Германия. Притом Ллойд-Джордж боялся, что слишком тяжелые условия мира бросят Германию в руки спартаковцев.

Против английской политики поднялась на дыбы Франция. Да и в самой Англии нашлись голоса протеста. Когда Черчилль, выступая на одном из митингов по вопросу о контрибуции, назвал цифру в 2 млрд, одна английская торговая палата прислала телеграфный запрос: «Не забыли ли вы поставить еще ноль в вашей цифре контрибуции?»

Французы стали набивать цену. С 2 млрд на 14, 16, 80 — цифры лихорадочно прыгали вверх по мере того как выяснялись результаты «победы». Точной цифры грабежа конгресс так и не назвал: не договорились.

Америка в этой ссоре вчерашних «друзей» занимала особую позицию. Стараясь захватить Германию в свои руки, Америка совершенно не касалась вопроса репараций. Только после повторных требований и указаний Ллойд-Джорджа на отсутствие в вильсоновских 14 пунктах вопроса о репарациях, американский представитель, полковник Хауз, пошел на попятный и заметил, что в конце концов в 14 пунктах союзники могут вычитать все, что им угодно.

Особо резкое обострение вызвал второй пункт — свобода морей. Для молодой, богатой Америки свобода морей означала свободу конкуренции, в которой полнокровный доллар легко поборол бы фунт стерлингов. Но для Англии свобода морей означала уничтожение ее гегемонии на море. Ллойд-Джордж категорически высказался против принципа свободы морей. Произошла крупная стычка, в которой полковник Хауз заявил: «Придется, видно, ответить немцам, что союзники не согласны на мир».

На вопрос Клемансо, что сие означает, последовал циничный ответ: сепаратный мир Америки с Германией.

Спор не кончился до приезда Вильсона из Америки. Последний ультимативно потребовал принятия 14 пунктов, но Ллойд-Джордж снова выступил против свободы морей и за репарации.

Полковник Хауз в своей работе добавляет, что Ллойд Джордж якобы заявил: «Истрачу последнюю гинею, но добьюсь превосходства нашего флота над любым другим».

Соперничество Америки и Англии становилось центральным пунктом мирного договора. Продолжительные дискуссии вспыхивали по всякому, часто пустяковому, поводу: по вопросу о языке заседаний, быть ли прессе без цензуры и т. п.

На конгрессе, например, Вильсон резко высказывался против всяких тайных договоров, заключенных «союзниками» во время войны. По этому поводу Черчилль очень ядовито пишет: «Каждый человек имеет право стоять на берегу и спокойно смотреть на утопающего; но если в течение этих долгих мучительных минут зритель не потрудится даже бросить веревку человеку, борющемуся с потоком, то приходится извинить пловца, если он грубо и неуклюже хватается то за один, то за другой камень. Бесстрастный наблюдатель, ставший впоследствии преданным и пылким товарищем и храбрым освободителем, не имеет права корчить из себя беспристрастного судью при оценке событий, которые никогда не произошли бы, если бы он вовремя протянул руку помощи».

Вся книга полна таких мест. Черчилль походя щиплет американских историков, щелкает и задевает американских политиков даже там, где их роль совершенно незаметна, язвит и издевается тем резче, чем больше проявляется бессилие Англии в этом поединке с Америкой.

Прекрасный стилист, — одна из консервативных газет назвала Черчилля современным Маколеем, — он зло высмеивает американскую дипломатию, скрывая за своим сарказмом горечь поражения.

«По словам м-ра Станнарда Бекера, — Черчилль характеризует американских историографов войны, — вопрос ставился так: “что делать демократии с дипломатией?” На одной стороне стояла молодая американская демократия в 100 млн чел. На другой — украдкой собралась упрямая и даже злобная дипломатия старой Европы. На одной стороне молодые, здоровые, искренние, горячо настроенные миллионы, уверенно выступающие вперед, чтобы реформировать человечество, на другой — хитрые, коварные интригующие дипломаты в высоких воротниках и золотом шитье, упрямо сторонящиеся от яркого освещения, фотографических камер и кинематографических аппаратов. Картина! Занавес! Музыка, тише! Рыдания в публике, а затем шоколад!».

В свете современных событий эти «литературные упражнения» старого поджигателя войны приобретают зловеший характер. Социал-фашистские лакеи империализма дружно и наперебой верещат о смягчении противоречий в империалистском мире, о невозможности новой войны. Чем мрачнее становится политический горизонт, чем чаще империалисты бряцают оружием, тем громче становится лай сторожевых псов империализма о «мирной эре», о мирной политике Лиги Наций. А интервенционистских дел мастер, Черчилль, по хозяйски, грубо и решительно нарушает «мирную» музыку, открыто вскрывает империалистские противоречия и прямо указывает истинные намерения империалистских хищников.

Однако вскрытие империалистских противоречий только одна сторона работы Черчилля. Несравненно важнее другая.

«Гнев плохой советник» — эта банальная пословица невольно приходит на ум, когда читаешь воспоминания Черчилля.

Черчилль в своем раздражении против Америки, упорно вышибающей Англию из ее мировых позиций, выболтал много больше того, что сам хотел сказать. Воистину, когда двое де-

ругся — выигрывает третий: то, что по английским традициям может быть опубликовано только через 50 лет, увидело свет сейчас. А скрывать было что.

Черчилль был военным министром Англии как раз в годы гражданской войны и интервенции, в его руках находились нити всего этого почтенного предприятия, он имел, как он сам признал в разговоре с Савинковым, непосредственную связь с Деникиным, Колчаком.

Не все, сказанное Черчиллем, имеет одинаковую свежесть, не все ново для нас. Ленин уже давно, и не имея всех документов, дал ключ к пониманию характера и цели интервенции, когда писал:

«У них одна мысль: как бы искры нашего пожара не перепали на их крыши».

Ценность воспоминаний Черчилля и не в признании огромного революционирующего значения русской революции.

«Происходившие в России события, — пишет Черчилль, — доктрины и лозунги, в изобилии распространяемые Москвой, для миллионов людей в каждой стране казались идеями, обещающими создать новый светлый мир Братства, Равенства и Науки. Разрушительные элементы всюду проявляли деятельность и находили отклик. Случилось столько страшных вещей, произошло такое ужасное крушение установленных систем, народы страдали так долго, что подземные толчки, почти судороги потрясали каждую государственную организацию» (см. предисловие Черчилля).

Ценность мемуаров в том, что они вскрывают *планы интервенции и методы ее проведения, разоблачают противоречия внутри интервенционистского лагеря*, освещая под этим углом зрения и *итоги предприятия*. Все это придает писаниям Черчилля *актуально-политический* характер.

Начнем хотя бы с того, как *началась* интервенция против Советской России.

Сколько бумаги было исписано буржуазными газетами в доказательство того, что интервенция началась с целью... помочь «чехословакам, атакуемым вооруженными австро-немецкими пленными» в Сибири. Достаточно вспомнить официальное воззвание Вильсона о целях интервенции, опубликованное им 3 августа 1918 г. во время высадки десанта во Владивостоке. Правда, внимательный глаз уже там находил противоречие, ибо

Вильсон собирался помогать чехам, «двигающимся на Запад», а это означало, что чехи сами кого-то атаковали...

Сейчас Черчилль пробивает основательную брешь в системе этих «доказательств», которые, впрочем, он сам же повторяет в другой главе. Черчилль показывает, что подготовка интервенции уже на другой день после Октября зашла так далеко, что державы даже заключили друг с другом соответствующий договор: «23 декабря 1917 г., — пишет Черчилль, — между Англией и Францией была заключена конвенция, которую выработали Клемансо, Пишон, Фош, с одной стороны, лорд Мильнер, лорд Р. Сесиль и представители английских военных кругов — с другой; эта конвенция имела целью установить дальнейшую политику обеих держав на юге России. Конвенция предусматривала оказание помощи ген. Алексею, находившемуся тогда в Новочеркасске, и географическое разделение сферы действия двух держав на всем том протяжении, какое они были в состоянии охватить. Французам предоставлялось развить свои действия на территории, лежащей к северу от Черного моря, направив их против врагов»; «англичанам — на востоке от Черного моря против Турции. Таким образом, как это указано в 3-й статье договора, французская зона должна была состоять из Бессарабии, Украины и Крыма, а английская — из территорий казаков, Кавказа, Армении, Грузии и Курдистана».

Впервые сведения об этом соглашении были опубликованы Деникиным в его «Русской смуте», но советская печать, грешным делом, относилась к ним с подозрением: полагали, что, сваливая вину за неудачу интервенции на союзников, Деникин выдает сплетни за факт. Документ, оказывается, не только существовал, но и намечал цель интервенции: помощь Алексею и борьба с большевиками. А тогда чехами еще не пахло.

В тот момент ничего серьезного из этого не вышло не потому, чтобы не делалось попыток: осуществлялась поддержка контрреволюционных партий в Советской России, заговоров и пр., организовалась японская интервенция (31/XII от имени Англии было предложено Америке поддержать японцев) и т. д. Но ряд причин просто не позволил в тот период развернуть широкую деятельность: во-первых, разногласия внутри союзников — Америка категорически высказалась против японской интервенции, а во-вторых, руки были заняты. Сцепившись в мертвой схватке, ни Антанта, ни Германия не могли взяться за Советскую респу-

блику. Этим и объясняются наши первые военные успехи после Октября: имея дело только с внутренней контрреволюцией, не поддержанной непосредственной помощью западной империалистской буржуазии, русский пролетариат, ведя за собой трудящиеся массы крестьянства, раздавил ее.

Но из того, что ничего не вышло с осуществлением договора об интервенции, отнюдь не следует, что самый договор потерял свою силу. Когда открылась возможность претворить слова в дела, «военный кабинет, — пишет Черчилль, — утвердил 13 ноября 1918 г. снова их связь к этим границам», т. е. разделение сфер влияния. Не вина, как видим, а беда союзников, что выполнение решения было отложено почти на целый год.

Вернемся, однако, к концу 1917 и началу 1918 г. Начался брестский конфликт. Слухи о разрыве между большевиками и немцами окрылили надежду на возврат России в войну. Как рукой сняло все разговоры — но только разговоры — об интервенции. Это могло бы толкнуть большевиков в объятия врагов, — так объясняет этот факт осведомленный автор, работавший над данным периодом.

Союзнические военные представители буквально обивали пороги советских учреждений с обещанием помощи в борьбе против Германии. Наивно, однако, было бы думать, что они действительно собирались помогать большевикам.

«Англичане, — пишет Черчилль, — приложили все усилия, чтобы получить *формальное* приглашение от большевистских вождей. Оно было особенно важно потому, что таким путем удалось бы преодолеть *нерасположение к интервенции со стороны Соединенных Штатов*».

Все дело было, оказывается, в том, что «президент Вильсон противился всякой интервенции и в особенности индивидуальному выступлению Японии», а сломить нежелание Америки можно было только добившись формального приглашения советских властей. Связало ли бы это руки союзникам, можно судить по мурманскому инциденту. В Мурманске совет рабочих депутатов объявил войну немцам, заключив особое соглашение с союзниками. Хотя одним из пунктов соглашения являлось признание совета высшей властью в крае, но фактически власть была в руках оккупантов: в чьих руках сила, тот и командовал.

На брестском конфликте союзники мало чем поживились: советская власть ратифицировала договор, и выход России из во-

йны стал фактом. Приходилось снова искать новых путей для реализации планов.

«Что-то еще нужно было, — пишет дальше Черчилль, рассказывая о неудаче подготовки, — чтобы установить практическое соглашение между пятью союзниками. Эта новая побудительная причина оказалась теперь налицо»: именно — восстание чехословаков.

Тут с Черчиллем случился казус. Рассказывая о том, что восстание чехословаков, организованное по приказу из Парижа, заставило Америку изменить свою позицию, Черчилль снова повторяет старую басню о предательстве большевиков в деле чехов, о нарушении большевиками своего слова и т. п., — короче, повторяет канонизированную буржуазной дипломатией версию.

Увы! Эта версия давно разрушена руками тех, кто ее же создавал.

Почти одновременно с Черчиллем в Лондоне вышла книга генерала Мэйнарда, командовавшего союзными войсками на Мурмане. Тот прямо пишет, что чехам из Парижа приказали повернуть на север в Архангельск, чтобы оттуда совместно с союзным отрядом поднять восстание и ударить на Москву. Большевики разгадали этот маневр и отказались пропустить их. Пришлось поднять восстание там, где приказ застал чехов, а в придачу и на помощь им высадить и во Владивостоке и в Мурманске союзнические отряды. Повторять после этого дипломатические легенды — значит скрывать какие-либо выдающиеся данные.

Мы не будем дальше следовать за Черчиллем, — это потребовало бы разоблачения еще целого ряда подобных же легенд, — занятие ненужное, ибо легенды давно разоблачены. Перейдем к концу 1918 г., к тому времени, когда империалистская война окончилась и притом в пользу Антанты.

«Союзники, — пишет Черчилль, — пришли в Россию против воли и по военным соображениям. Но война кончилась. Они старались не дать немецким армиям получить огромное снабжение из России, но эти армии более не существовали. Они старались освободить чехов, но чехи спасли себя сами. *Поэтому все аргументы, которые вели к интервенции, исчезли*».

И здесь Черчилль сразу сам вскрывает, каковы были истинные намерения союзников, притом вскрывает так, что проливает свет и на будущее.

Недели через три после заключения мира с Германией, — так «мечтает» Черчилль (как похожи эти «мечты» на действитель-

ность!), — «три человека встретились на острове Уайте (а может быть на острове Джерси) и совместно выяснили все практические меры, которые нужно было предпринять для того, чтобы обеспечить прочный мир и снова поставить мир на ноги».

Это были — Вильсон, Клемансо и Ллойд Джордж. Вот этот-то империалистский триумvirат и наметил программу совместных работ.

Первая резолюция касалась Лиги наций. Единогласно было решено, что Лига наций дальше будет на страже мира и спокойствия.

Вторая резолюция была:

«Русскому народу нужно предоставить возможность избрать национальное собрание» ...

Читатель удивленно разведет руками: на конференции, посвященной вопросу о мире, русскому вопросу, точнее сказать большевикам, — ибо не трудно догадаться, что созыв учредительного собрания означал ликвидацию советской власти, — уделяется чуть ли не первое место. Но Черчилль объясняет это противоречие, вкладывая в уста триумvirата следующую мысль: «Создавать Лигу наций без России не имеет смысла, а Россия все еще находится вне нашей юрисдикции. Большевики не представляют России, — *они представляют лишь интернациональное учреждение и идею, которая совершенно чужда и враждебна нашей цивилизации*».

Все дело в том, что большевики представляют «чуждую и враждебную» идею, что «цивилизация», та самая, которая только что принесла в жертву миллионы людей и неисчислимые потери, противоречит большевизму.

Дело, однако, не ограничилось резолюцией. Позвали ген. Фоша и спросили, как собрать учредительное собрание в России. Последний с солдатской прямоотой заявил, что надо просто свергнуть большевиков *вооруженной силой*. «Для меня, Хэйга и Першинга эта задача будет очень легкой по сравнению с задачами восстановления фронта после битвы 21 марта (в 1918 г.) или прорыва оборонительной линии Гинденбурга».

Но солдатская прямоота — плохое средство в дипломатической игре, и триумvirат выносит третью резолюцию: «Германию нужно пригласить помочь нам в освобождении России и восстановлении Восточной Европы».

Только что поверженной в прах Германии, на разгром которой потратили три года беспримерных жертв, предлагали пощаду (ни-

чего не делается даром в капиталистическом мире!) — *при условии уничтожения советской власти*. Вот какой ценой добивались свержения большевизма!

Фош и французы, конечно, опротестовали такое решение, требуя гарантии против сохраняемой в целостности Германии, но им обещали 14 пунктами Вильсона гарантировать полную безопасность.

Но Германия сама становилась жертвой большевизма.

«Самая большая опасность, которую я вижу в создавшемся положении, — писал Ллойд-Джордж 26 марта 1919 г. в меморандуме мирной конференции, — это та, что Германия может не устоять против большевизма и предоставить свои материальные ресурсы, свои умственные и организационные способности в распоряжение революционных фанатиков, которые мечтают водворить в мире большевизм силой оружия».

Оставалось самым усилить активную помощь русской контрреволюции, посылать оружие, деньги, отряды, инструкторов.

29 ноября лорд Бальфур в особом меморандуме кабинету предложил оказать всякую помощь и поддержку антисоветским силам.

30 ноября английским представителям в Мурманске и Архангельске было сообщено: «Продолжать занимать Мурманск и Архангельск; продолжать Сибирскую экспедицию; попытаться убедить чехов остаться в Западной Сибири; занять (с помощью пяти британских бригад) ж.-д. линию Баку — Батум; оказать ген. Деникину в Новороссийске всякую возможную помощь в смысле снабжения военными материалами; снабдить прибалтийские государства военным снаряжением».

«Союзники и в материальном и в моральном отношении, — пишет Черчилль, подводя итоги антисоветской деятельности в период первого похода Антанты — были еще связаны обязательствами с Россией. Британские обязательства в некоторых отношениях были наиболее серьезными. 12 тыс. британцев и 11-тысячное войско союзников были фактически заперты льдами на севере России — в Мурманске и Архангельске, и какое бы ни последовало решение держав, они вынуждены были оставаться там до весны...

Два британских батальона во главе с членом парламента полковником Джоном Уордом вместе с матросами с английского крейсера “Суффолк” оказались в центре Сибири и сыграли

здесь важную роль в поддержке омского правительства, помогая последнему и оружием и советами. Поспешно создавалась новая сибирская армия. *Из одних только британских источников она получила 100 тыс. ружей и 200 пулеметов. Большинство солдат были одеты в мундиры британской армии.* Во Владивостоке были основаны под управлением английских офицеров военные школы, которые выпустили к этому времени 3 тыс. русских офицеров, весьма, впрочем, посредственных.

На юге союзники обещали Деникину, заместившему собой умершего Алексеева, всякую поддержку при первой возможности. С открытием Дарданелл и появлением британского флота в Черном море появилась возможность послать Британскую военную комиссию в Новороссийск. На основании отчетов этой комиссии Военный кабинет 14 ноября 1918 г. решил, во-первых, помогать Деникину оружием и военным снаряжением, во-вторых, отправить в Сибирь дополнительные кадры офицеров и дополнительное оборудование и, в-третьих, признать *de facto* омское правительство».

Такую широкую деятельность развернули империалисты по разгрому большевизма.

Расчет, однако, строился без хозяина. Не учли настроения того, кто в книге Черчилля фигурирует в особой главе под названием «*demos*»: пролетариат и трудящиеся массы, вот кто расстроил планы триумvirата.

Не успели еще погаснуть торжественные огни и умолкнуть напыщенные речи по поводу заключения мира, как стали поступать сведения о «*demos*»: По обе стороны Па-де-Кале уже начинались возмущения и беспорядки», — так суммирует Черчилль это «непредвиденное обстоятельство».

3 января 1919 г. расположенные в Фолкстоне транспортные войска осадили даже военное министерство. Между 27 и 31 января в Калэ восстало более 3 тыс. чел., для подавления которых понадобилось послать целых две дивизии.

8 февраля 1919 г. более 3 тыс. солдат в Лондоне избрали совет солдатских депутатов и стали выработать требования для предъявления командованию и т. д.

«За одну неделю из различных пунктов, — пишет Черчилль, — поступили сведения о более чем тридцати случаях неповиновения среди войск».

И это только в английских войсках, во французских войсках события приняли еще более драматический характер, а к этому прибавилось нарастающее движение пролетариата.

«Кончились все пять актов драмы; огни истории потушены, мировая сцена погружена во мрак, актеры уходят, хоры замолкают. Борьба гигантов кончилась, начались ссоры пигмеев», — так лирически передает Черчилль свое пробуждение от высоких мечтаний под влиянием колебаний почвы. Тут уж, как говорится, не до жиру, быть бы живу. Вместо широких планов о разгроме большевиков в России собственными силами пришлось обороняться от большевизма внутри. А когда кое-кто из военного лагеря продолжал еще настаивать на военной экспедиции, Ллойд-Джордж окатил их холодным душем: «Если бы он предложил послать для этой цели в Россию английские войска, в армии поднялся бы мятеж. То же относится к американским войскам. Мысль подавить большевизм военной силой — чистое безумие».

Дело явно провалилось: не имея возможности заняться ликвидацией большевизма сами, поручили это дело Колчаку. В этой связи и находится признание Колчака.

Колчак, однако, несмотря на самую широкую поддержку империалистов и деньгами и оружием, и продовольствием, и инструкторами с задачей не справился и «по совету генерального штаба, начиная с июня месяца, Англия оказывала ему (Деникину. — *И. М.*) главную помощь и не менее 250 тыс. ружей, двести пушек, тридцать танков и громадные запасы оружия и снарядов были посланы через Дарданеллы и Черное море в Новороссийск. Несколько сот британских армейских офицеров и добровольцев в качестве советников, инструкторов, хранителей складов и даже несколько авиаторов помогали организации деникинских армий».

Деникин, подкормившись на союзнических хлебах, двинулся на Москву, а его вдохновитель Черчилль занялся организацией новой помощи со стороны Польши, Прибалтики и других лимитрофов. Два плана их использования были предложены ему: 1) дать 500 тыс. солдат «союзников» и бросить их с поляками на Москву, 2) разрешить полякам и другим заключить сепаратный мир с большевиками.

Черчилль отбросил оба плана и предложил: «Убедить поляков продолжать в течение еще нескольких месяцев то, что они делали до сих пор, т. е. сражаться и бить большевиков на границах сво-

их владений, не думая ни о решительном наступлении в сердце России, ни о сепаратном мире».

Польская тактика эпохи 1919 г. таким образом обязана Черчиллю: не наступать, но и не допускать Советскую Россию бросить все войска против Деникина, — таков смысл предложений Черчилля.

Когда же Деникин оказался побитым, и второй поход Антанты провалился, «союзники» стали подготавливать третий поход Антанты: появилась Польша как главный козырь, а Врангель должен был играть ту же роль, что Польша во время борьбы с Деникиным, т. е. приковать к себе часть советской армии и не довести до разгрома Польши.

Ставка на Деникина оказалась битой, и любопытно, чему приписывает неудачу Деникина режиссер всей этой постановки: «Но наибольший раскол вызвал вопрос о политике по отношению к отпавшим от России странам и провинциям. Деникин стоял за целостность России. В виду этого в войне против Советской России он являлся врагом своих собственных союзников. Прибалтийские государства, борясь за свое существование против большевистских войск и их пропаганды, не могли иметь ничего общего с русским генералом, не желавшим признавать их права на независимость. Поляки, которые в этой войне с советами имели самую многочисленную и сильную армию, понимали, что на следующий день после победы, одержанной совместными усилиями, им придется самим защищаться против Деникина. Украина была готова сражаться с большевиками за свою независимость, но ее нисколько не прельщала диктатура Деникина».

Что еще можно прибавить к этой характеристике? Крепостническая национальная политика, восстанавливающая старую тюрьму народов, — несомненно, одна из причин неудачи контрреволюционной борьбы.

Пропагандируя интервенцию как средство разрешения всех противоречий, подытоживая силы интервенции, Черчилль одновременно, сам того не желая, открывает ее оборотную сторону — причины ее неудачи, силы, ослабляющие интервенцию.

Черчилль рисует такими яркими мазками картину противоречий внутри империалистского лагеря, что к концу сам пугается своих выводов: впереди лишь все большее углубление этой «войны всех против всех».

К тому же положение осложняется растущим национально-революционным движением в тылу империализма. Страницы,

посвященные Черчиллем Турции или Ирландии, принадлежит к числу наиболее ярких. Рассказывая о разгроме Ирландского движения, об организации массового террора, о натравливании одной группы против другой, Черчилль дает прекрасное описание гражданской войне в Ирландии, вскрывая в то же время и классовую ее подоплеку.

«Утром, — пишет он по поводу партизанской войны в Ирландии, — военный отряд в отместку за совершенное преступление делал вылазку всей бригадой и сжигал крестьянский коттедж, а ночью выходили из своих убежищ шинфейнеры (ирландские повстанцы. — *И. М.*) и сжигали помещичий дом».

Но Черчилль приводит и другие причины неудачи интервенции.

«Их пропаганда, — пишет Черчилль по поводу агитационного влияния русской революции, — в которой странным образом были объединены элементы патриотизма и коммунизма, быстро распространились по всей Украине. Сами французские войска были затронуты коммунистической пропагандой, и вскоре возмущение охватило почти весь французский флот...».

И в этом признании сказывается империалистское соперничество двух мировых разбойников: Черчилль пишет о разложении французских войск, но молчит о восстаниях в английском оккупационном отряде, скрывает отказ канадцев идти в бой против большевиков. «Революция отвоевала солдат Антанты», — вынужден был бы признать организатор интервенции еще одну причину неудачи интервенции, если бы суммировал все факты разложения интервенционных отрядов.

Обострение империалистских противоречий, рост национально-революционного движения, нарастание и углубление революционного движения в тылу империалистов — это и есть те причины, которые делают новую интервенцию еще менее благоприятной, чем первую. Или, как сказал VI съезд Советов СССР в своей резолюции по отчету правительства: «Вооруженное нападение на Союз ССР означает теперь главную опасность для тех, кто посмеет нарушить мир и напасть на Советский Союз».

Особый интерес представляет та оценка, которую Черчилль дает социал-фашистским лакеям империализма.

«Подавляющее большинство тред-юнионистов искренно примкнуло к общенациональному выступлению», — так пишет Черчилль по поводу участия социал-фашистов во всех империалистических предприятиях. Некоторым из них, активно работав-

шим вместе с правительством, он даже посвящает восторженные оды, все время подчеркивая их рабочее происхождение. По поводу Барнса, официального представителя рабочей партии в военном кабинете, Черчилль пишет, что он оказался большим роялистом, чем сам король. Барнс, выступая на публичном митинге, заявил: «Здесь упоминали о кайзере. Я стою за то, чтобы повесить кайзера», — в то время как сами Ллойд Джордж и Черчилль воздерживались от таких предложений.

Можно себе представить, как ценили хозяева преданную работу своих социал-фашистских лакеев, если Черчилль находит для своего недавнего врага — немца такие характеристики:

«Среди всего этого смятения, — пишет он, — бросается в глаза суровая и вместе с тем простая личность. Это — социалист-рабочий и тред-юнионист по имени Носке. Назначенный с.-д. правительством министром национальной обороны, облеченный этим же правительством диктаторской властью он остался верен германскому народу. Иностранец может лишь с осторожностью и невольным беспристрастием говорить о германских героях, но, быть может, в длинном ряду королей, государственных деятелей и воинов, начиная с Фридриха и кончая Гинденбургом, будет отведено место Носке — верному сыну своего народа, среди всеобщего смятения бесстрашно действовавшего во имя общественного блага».

Таковы новые данные по интервенции одного из ее организаторов, данные, которые заставляют и врага признать то, что нам давно было известно: без интервенции гражданская война в России не приняла бы такого размаха, русская контрреволюция носила бы местный, областной характер, и если бы и приняла национальный размах, то без интервенции никогда бы не поднялась до того уровня, который потребовал напряжения всех сил страны и поставил под угрозу существование советской власти.

«Всем известно, что война эта нам навязана, — говорил Ленин по поводу роли интервенции в гражданской войне, — все знают, что против нас пошли белогвардейцы на западе, на юге, на востоке только благодаря помощи Антанты, кидавшей миллионы направо и налево, причем громадные запасы снаряжения и военного имущества, оставшиеся от империалистской войны, были собраны передовыми странами и брошены на помощь белогвардейцам, ибо эти господа, миллионеры и миллиардеры, знают, что тут решается их судьба, что тут они погибнут, если не задавят немедленно нас».

События повторяются.

Чем глубже становится мировой экономический кризис, перерастающий в кризис политический, с одной стороны, чем выше подъем социалистического строительства в Советском союзе — с другой, тем острее противоречие между империализмом и социализмом.

Основным противоречием империалистского мира остается противоречие между Англией и Америкой. Во всех уголках мира — в Азии и Африке, в Европе и Южной Америке — идет все усиливающаяся борьба за гегемонию между двумя мировыми разбойниками. Вокруг этого противоречия, как вокруг оси, располагаются все другие империалистские противоречия, все углубляясь и расширяясь и, в силу неравномерности развития капитализма, часто становятся даже острее основного противоречия, — таковы противоречия между Англией и Францией на современном этапе, между Америкой и Японией или Америкой и Францией.

Но бурное развитие социализма наряду с все усиливающимся мировым кризисом перемещает центр тяжести. Центральным противоречием мира стало противоречие двух систем — империализма и социализма.

10 лет назад выход из этого противоречия империалистские хозяева искали в интервенции, в вооруженном свержении советской власти как крупнейшего фактора в революционизировании рабочих масс.

«...Большевистская опасность в настоящий момент очень велика. Большевизм расширяется. Он захватил Балтийские области и Польшу и как раз сегодня получены дурные известия об его успехах в Будапеште и Вене... Если большевизм, распространившись в Германии, перебросится через Австрию и Венгрию и достигнет Италии, то Европа окажется перед лицом огромной опасности».

Так говорил Клемансо на заседании премьеров пяти крупнейших империалистических держав — Англии, Америки, Франции, Италии и Японии, намечая пути и формы борьбы с советской республикой.

Но интервенция явно проваливалась, и против большевистской опасности надо было искать новых средств.

«Обычно, чтобы остановить распространение эпидемии, — говорил 21 января 1919 г. на заседании премьеров итальянский

министр Орландо, — устанавливают санитарный кордон. Если принять подобные же меры против распространения большевизма, он мог бы быть побежден, ибо изолировать его — значит победить».

Санитарный кордон, однако, уже давно сам стал рассадником большевизма: «санитарные» страны — Польша, Чехословакия — сами вот-вот загорятся революционным огнем.

И снова, по мере углубления мирового социального и экономического кризиса и одновременно бурного роста социализма в Советском Союзе, империалистский мир ищет выхода в войне и интервенции.

«Каждый раз, — говорил на XVI съезде т. Сталин, — когда капиталистические противоречия начинают обостряться, буржуазия обращает свои взоры в сторону СССР: нельзя ли разрешить то или иное противоречие капитализма или все противоречия, вместе взятые, за счет СССР, этой страны Советов, цитадели революции, революционирующей одним своим существованием рабочий класс и колонии...

Отсюда тенденция к авантюристским наскокам на СССР и к интервенции, которая (тенденция) должна усилиться в связи с усиливающимся экономическим кризисом «.

Обобщением этих тенденций являются мемуары организаторов интервенции, проверяющих свой старый опыт.

Опыт, однако, шутка обоюдоострая: проверяют его и по эту сторону границы.

